

Маленькую резиновую лодку внезапно начавшийся шторм затягивает в открытое море. Море ревет, не отпускает. Молодой рыбак, напряженно работая короткими веслами, глядит на мечущуюся по берегу одинокую фигурку женщины и говорит сидящему на корме мальчику лет десяти-двенадцати: «Садись-ка рядом, сынок, помогай грести!» Вдвоем, срывая в мозоли руки, они победили бушующее море, и мама, сдерживая слезы, обняла мужа и сына.

Поздний вечер. Желтая лампа освещает бумажный листок на столе. Над ним задумчиво склонились двое: отец и сын. Они пишут конкурсное сочинение о шести комсомольских орденах. Вернее, мальчик только пытается вставлять слова, а отец, несмотря на его протесты, уверенно диктует строку за строкой. Мальчик станет победителем этого конкурса и вместе с радостью будет испытывать чувство стыда за то, что эту работу он написал не сам. И только совсем недавно в последней книге отца он прочтет, что такой урок когда-то давала ему одна из самых любимых его учителей. Мне очень хочется процитировать эти строки. Повторяя их, я буду вновь говорить с отцом: «Дора Борисовна дала мне несколько чистых листов бумаги, ручку и начала диктовать целые фрагменты – вместо моих. Я внутренне возмущался, но <...> только робко пытался сказать:

– Не надо. Зачем? Вы скажите, а я исправлю сам.

– Конечно, сам. Я ведь только чищу твои мысли, облакаю их в более удобный вид. А все сам будешь делать тогда, когда набьешь руку.

Позже я понял, что так она нас учила, точнее, шлифовала.

Став учителем, я чаще всего делал то же самое».

Я тогда, как и ты в юности, не понимал, что это – урок и не успел сказать тебе, что давно уже работаю со своими учениками так же.

Подростком я очень не любил «телячьих нежностей». Когда ты брал меня за руку или говорил при всех: «Сынок!» – меня заливала краска стыда. Ведь я считал себя взрослым. Я никогда не говорил тебе об этом. Прости меня за эти чувства, за эти мысли! Ты теперь никогда не узнаешь, какой гордостью наполнялось мое сердце, когда всего лишь несколько месяцев назад ты, стоя в очереди, говорил мне: «Сынок, поддержи сумку», – и вся очередь оборачивалась, глядя на двух седых мужчин, – какой из этих дедов тут сынок?

Годы летят быстро. По твоим учебникам уже учится вся страна. Но однажды ты – как в детстве – говоришь мне: «Садись-ка на весла, сынок, помогай грести!» Мы всегда были единомышленниками, а теперь стали сотрудниками. И в нашем совместном труде я понял главный смысл твоего любимого слова. «Сотворчество». Это то, что объединило нас, уже взрослых.

«Летят лета, не погодят года...» Ты уже не можешь, как раньше, ездить по всей стране, встречаться с учителями, хотя я знаю, как эти встречи подпитывали тебя и наполняли силой. И снова ты напомнишь мне: «Налегай-ка на весла, сын, помогай грести!» И в разных городах от Калининграда до Владивостока я рассказываю учителям о нашем совместном труде. Я снова гребу,

набивая мозоли, в одной лодке с тобой, и я счастлив, что вдвоем мы одолеем это рокочущее море, это трудное дело.

Ты знаешь, как мне была важна твоя оценка моего труда. Вот почему только тебе я послал запись моего выступления перед членами жюри Федерального этапа Всероссийского конкурса сочинений. Там я тоже говорил о твоих уроках, об оценке талантливого детского творчества, о детских наставниках, об истории с Дорой Борисовной. Ты ведь успел посмотреть эту запись? Правда?

Я видел, как ты радовался, узнав, что меня пригласили выступить с лекцией, рассказать о наших с тобой книгах в Москве, на ВДНХ, накануне открытия крупнейшей Всероссийской выставки. Ты знал, как трудно далась мне подготовка к этому выступлению...

...Прости, я не смог. В этот день ты ушел, и я остался с тобой.

Я остался с тобой. А завтра я снова войду в школьный класс, и дети встретят меня, замерев у парт, и мы откроем книги, и я вспомню любимые твои слова о том, что «в момент чтения талант читателя равен таланту писателя».

И не прервется нить...